

Уроки истории

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ
ФИЛОСОФИИ К. МАРКСА**

П.Н. КОНДРАШОВ

Введение

В журнале «Философские науки» за 2013 г. (№ 3 – 5) был опубликован цикл статей известного философа-марксиста В.Ф. Шелике «Непознанный Маркс и некоторые проблемы современности»¹, в которых автор поднимает важные проблемы марксистской философии, связанные с неверным переводом и интерпретацией базовых категорий Маркса, большинство из которых в переводах советского времени было истолковано в научно-производственном смысле, в то время как у самого Маркса они носят гуманистический и экзистенциальный характер. Однако если с политэкономической, социологической, политической, исторической терминологией все, в общем-то, понятно, то весьма серьезные трудности возникают при исследовании марксовых категорий, употребляемых в *философском* контексте. В истории философии сложилось три истолкования того, как следует относиться к философской терминологии Маркса.

Согласно первому подходу, *сциентистскому* (или *позитивистскому*) подходу, подлинной теорией Маркса является только *научная* сторона его исследований, представленная в «науке истории», в «диалектическом и историческом материализме», в анализе диалектики производительных сил и производственных отношений, обнаруживающая себя в объективных законах социально-исторического развития, согласно которым имеет место детерминация общественного сознания структурами общественного материального бытия. Стало быть, заключают сторонники такого прочтения Маркса, надо полностью элиминировать эмоционально и идеологически окрашенные понятия и развивать только систему строго научных категорий, которые можно эмпирически верифицировать.

Другая интерпретация, *гуманистическая*, отвергая «безжизненность» генерализующих методов и категориальных схем научного марксизма, большей частью сводимого к политико-экономическому исследованию, напротив, в качестве *подлинного марксизма Маркса* рассматривает его культурологические и социально-политические экскурсы, в которых Маркс показывает обратное влияние элементов общественного сознания на базисные структуры и процессы, протекающие в общественном бытии. Отсюда делается вывод, что душа

философии Маркса сосредоточена не в экономической, политической и социологической терминологии, а схвачена в эстетических, этических, психологических и т.п. понятиях, восходящих к философии романтиков, Г. Гейне, молодым И.-Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегелю.

Наконец, третья интерпретация, которую можно назвать *синтетической*, рассматривает философию Маркса как *единое целое*, в котором имеют место как научный анализ объективного процесса социального воспроизводства, так и экзистенциальный анализ, фиксирующий то, каким образом объективное протекание социально-исторического бытия отражается, репрезентируется и внутренне, эмоционально переживается индивидами в конкретных исторических условиях, ибо именно живые конкретные индивиды, взятые *в своем материальном и духовном единстве*, являются «исходным пунктом» в философии Маркса. В силу этого имманентного единства Марксовой мысли, считают представители этого направления, необходимо системно и систематически изучать и развивать *все* виды терминологии, используемой Марксом.

Так как научный аппарат Маркса изучен достаточно хорошо, то в предлагаемом исследовании мы обратим внимание только на *экзистенциальную* терминологию, которая, к сожалению, оказалась почти не изученной. Тексты Маркса наполнены такого рода терминологией, и не видеть ее существеннейшего значения, на наш взгляд, недопустимо при интерпретации всего философского наследия немецкого мыслителя. Можно, конечно, объяснить все эти эмоционально окрашенные понятия и обороты (которые мы в дальнейшем будем именовать *экзистенциальной терминологией*) либо «взрывным» темпераментом самого Маркса, либо его искренним желанием создать не только высококачественное научно-теоретическое творение, но и художественно-литературный шедевр, каковым без сомнения является «Капитал». Либо же стоит считать подобный подход Маркса своеобразной попыткой привлечь читателя-рабочего к своему в высшей степени сложному сочинению и посредством эмоционального отношения к предмету исследования показать, что все эти «высокие материи» — не безжизненные абстракции, а нечто, имеющее самое непосредственное отношение к реальной жизни этих рабочих. Однако это не повод упускать из внимания экзистенциальную терминологию Маркса, как это делается до сих пор.

Действительно, если Маркс *употребляет такого рода экзистенциальные понятия*, значит, они, с его точки зрения, с необходимостью *выражают* объективные или субъективные *формы, механизмы, свойства и состояния самого человеческого бытия*. А для Маркса категории — это не только когнитивные структуры, но и сами *формы наличного бытия (Daseinsformen), определения существования (Existenzbestimmungen)*, которые в процессе *практической деятельности* определенным образом

репрезентируются, осмысляются и интерпретируются в *сознании* (*Bewußtsein*), имеющем структуру, изоморфную с *наличным бытием* (*Dasein*)².

Придерживаясь третьей позиции (из обозначенных выше), развивая идеи В.Ф. Шелике, в предлагаемой статье мы попытаемся выявить те контексты, в которых учение и в первую очередь терминология Маркса обретают *экзистенциальное* звучание и поэтому требуют совершенно нового истолкования.

Экзистенциальные ценности

Свой экзистенциальный характер философия Маркса обнаруживает в *экзистенциальных ценностях*, а именно в *представлениях Маркса о подлинности человеческого бытия как таком существовании, в котором люди связаны с миром свободной, неотчужденной деятельностью, приносящей им духовную радость полноты бытия*. А коль скоро условия наличного бытия людей делают человеческую жизнь *бесчеловечной*, то основная задача состоит в *освобождении человека от этих обезчеловечивающих его условий существования*. И дело заключается не столько в теоретическом осмыслении и критике этой бесчеловечности, сколько в непосредственном, *практическом* ее уничтожении.

Именно эти экзистенциальные ценности и являются скрепляющими, связующими, цементирующими звеньями как *всех частей* Марксовой философии, так и *всех этапов* его интеллектуального развития от школьной скамьи до самой смерти, что сам Маркс очень эмоционально выразил в одном письме следующими словами: «Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре»³.

Философия К. Маркса как форма экзистенциальной философии⁴

Под *экзистенциальной философией* мы понимаем философию, основными для которой являются вопросы о *человеке и его существовании*. Такие вопросы имеют место и у Маркса, и их можно вести к следующим:

— *проблема человеческого существования* (мы считаем, что основной вопрос философии Маркса — вопрос не гносеологический, а *философско-антропологический*);

— *проблема соотношения сущности и существования* (у Маркса этот момент обнаруживает себя в его теории деятельности: с одной стороны, деятельность у него выступает как *инвариантная родовая сущность человека вообще*, с другой — поскольку человек непрерывно преобразует мир (а по принципу обратной связи преобразует и самого себя), то каждый конкретный индивид всегда оказывается погруженным в *уникальную сеть общественных и индивидуальных отношений, порождаемых социальным праксисом*, т.е. человеческим *существова-*

нием, — поэтому сущность человека, понимаемая в этом аспекте как «ансамбль его общественных отношений», оказывается *уникальной у каждого конкретного человека*);

— проблема рассмотрения человека как *страдающего, вовлеченного-в-бытие, неравнодушного существа* (здесь Маркс, безусловно, идет от Фейербаха, однако страдание понимается им не только в чувственно-природном аспекте, но всегда именно в аспекте социальной деятельности);

— проблема страдания выводит экзистенциальную философию к *вопросу о подлинности и неподлинности человеческого бытия-в-мире* (у Маркса это находит выражение в учении об отчужденном труде и в том, что он называет *Selbstbetätigung* — *само-деятельностью*, которая у Маркса выступает синонимом *собственной, подлинной деятельности*);

— отсюда вырастает еще одна важнейшая проблема экзистенциальной философии — *проблема экзистенциальной и жизненной заинтересованности* (у Маркса это нашло свое отражение в *социальной обусловленности, ангажированности, партийности*);

— в силу того, что процесс человеческого существования разворачивается во времени, это с необходимостью приводит к *вопросу об историчности человеческого бытия* (думается, что проблема историчности — одна из центральных тем Марксовой мысли в целом);

— наконец, все эти вопросы замыкаются на *проблеме свободы*.

Маркс был мыслителем, в философии которого *экзистенциальные вопросы* играли *существенную* роль, но при этом, *безусловно*, философия Маркса *не исчерпывается* этими мотивами, ибо помимо таковых она, нося еще и *научный* характер, занимается *экспликацией* закономерностей в системе отношений «человек — мир». Мы не призываем гипертрофировать экзистенциальную сторону мысли автора «Капитала», — это было бы очередным передергиванием и даже извращением мысли Маркса, — однако в свете вышесказанного представляется просто чудовищным изображать философию Маркса *только* в форме бездушных категориальных схем диамата и истмата.

Терминологическая переориентация второй половины 40 — начала 50-х гг. XIX в.

Отрицание экзистенциального характера философии Маркса, по крайней мере, начиная с «Нищеты философии» (1847), обычно связывают с так называемой *радикальной терминологической переориентацией Маркса*, произошедшей в середине 40-х гг. Действительно, в этот период Маркс и Энгельс, усмотрев основания современного им буржуазного общества и государства с его политико-правовой, идеологической и вообще духовной надстройкой в *экономических структурах функционирования капиталистического способа производства*, перешли от чисто философской, юридической и литературной кри-

тики («К критике гегелевской философии права. Введение», «Святое семейство», «Немецкая идеология») к конкретным социологическим и экономическим исследованиям капиталистического способа производства («Положение рабочего класса в Англии», «Нищета философии»). Именно в этот период и произошла радикальная смена сугубо философской терминологии (которую употреблял Маркс в работах 40-х гг.) на социологическую и экономическую (начиная с 50-х гг.). Однако это не означало пересмотра основной, фундаментальной направленности мысли Маркса. Как нам представляется, здесь не было никакого «эпистемологического разрыва», как считал Л. Альтюссер, а было только *смещение акцентов* с мировоззренческих на научные, с философско-антропологических — на социальные, экономические и исторические.

Да, конечно, в своих работах «зрелого» периода Маркс почти не использует явно экзистенциальную терминологию (в первую очередь семантически и проблемно связанную с категориями *отчуждения* и *человечности/бесчеловечности*), но, тем не менее, в его трудах сохраняется общая гуманистическая и экзистенциальная направленность исследовательской программы, фундированная в обозначенных выше экзистенциальных ценностях. Иными словами, даже при формальной терминологической переориентации сама философия Маркса фундаментально осталась экзистенциально ориентированной, ибо ее базовая цель — преодоление отчуждения и освобождение человека — осталась неизменной.

Что касается собственно понятийно-категориального аспекта, то следует сделать два замечания. Во-первых, терминологическая переориентация Маркса произошла только в рамках его *печатных* работ. Что же касается *рукописей* и *эпистолярного наследия*, то в них философская (в том числе и экзистенциально нагруженная) терминология сохраняется. Достаточно провести сравнительный анализ тех же «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и подготовительных материалов к «Капиталу» («Экономические рукописи 1857 — 1859 гг.», более известные под названием «Grundrisse», а также незаслуженно забытые рукописи 1861 — 1865 гг.) на предмет, скажем, развития категории *отчуждение*, то мы увидим, что это центральное критическое понятие «молодого» Маркса не только не исчезает в 50 — 60-е гг., но и приобретает более глубокое содержание, экстраполируясь из области экономики на неэкономические сферы человеческого бытия.

Во-вторых, сохранение философско-антропологической и экзистенциальной семантики происходит даже при вышеупомянутой переориентации словоупотребления в печатных текстах: «отчуждение» ранних работ конкретизируется в таких зрелых категориях, как «разделение труда», «товарный фетишизм», «персонификация вещей

и овеществление лиц»; абстрактные «бесчеловечность» и «обесчеловечивание», очень часто используемые, скажем, в «Святом семействе» (1844), в том же «Капитале» преобразуются в фактическое описание скотских условий бытия рабочих, физического и морального уродования, кретинизма и т.д.

Экзистенциальные термины у Маркса

Экзистенциальный характер философии Маркса в первую очередь проявляется в использовании им терминологии с явной экзистенциально нагруженной семантикой, причем такая терминология употребляется Марксом как в *систематической*, так и *несистематической*, случайной, спорадической формах, но в обоих случаях такое словоупотребление важно учитывать при общей интерпретации его философии, ибо сквозь призму этой терминологии высвечиваются те экзистенциальные ценности, на которых базируется философия автора «Капитала». Здесь мы только перечислим те понятия, которые несут в себе экзистенциальный заряд. Скрупулезный аудит и детальное текстологическое, семантическое и герменевтическое истолкование всего экзистенциального тезауруса Маркса требует более тщательного исследования, которое автор попытается предпринять в самом ближайшем будущем.

При ближайшем рассмотрении к систематически и спорадически используемым Марксом экзистенциальным терминам, следует отнести такие понятия, как **бесчеловечная действительность** (unmenschlichen Wirklichkeit) и **действительная бесчеловечность** (wirkliche Unmenschlichkeit); **бесчеловечность** (Unmenschlichkeit); **бесчеловечность современной жизненной практики** (die Unmenschlichkeit der heutigen Lebenspraxis); **видимость человеческого существования** (Schein einer menschlichen Existenz); **действительность обесчеловеченности** (Wirklichkeit des Unmenschen); **истинное человеческое бытие** (wahres menschliches Dasein); **мерзость** (Dreck); **наслаждение** (Genuß); **недействительность человека** (Unwirklichkeit des Menschen); **обесценение человеческого мира** (Entwertung der Menschenwelt); **обесчеловеченность** (Entmenschung); **овещнение** (Verdinglichung); **отношение человека к миру** как отношение человека к предмету (Gegenstand) и **отношение предмета** (gegenstaendliche Verhaeltnis) к человеку; **отчаяние** (Verzweiflung); **отчуждение** (как в форме Entäußerung, так и в форме Entfremdung); **пассивность** и **активность человека**; **продуктивная жизнь** (productive Leben); **проявление жизни** (Lebensäußerung); **проявление человеческих желаний** (Äußerung der menschlichen Triebe); **равнодушие** (Gleichgültigkeit, Teilnamslosigkeit); **радость жизни** (Lebenslust); **скотское одичание** (viehische Verwildrung); **страдание** (Leiden, Qual); **страсть** (Leidenschaft); **утрата** (Verlust); **частичный человек** (Teilmenschen); **человек-товар** (Menschenware); **человеческий восторг** (menschliche Freude); **челове-**

ческое самоотчуждение (*menschliche Selbstentfremdung*); **человечность** (*Menschlichkeit*).

Безусловно, все эти термины необходимо брать в соответствующем контексте, чтобы не упустить ни экзистенциальные, ни научные моменты работ Маркса, чтобы адекватно понять значение многочисленных экзистенциально нагруженных фрагментов его текстов.

Экзистенциальные моменты цитирования

Многие марксисты считают экзистенциальное (*экзистенциальное*, а не *экзистенциалистское*) прочтение философии классика ложным. Однако при этом, даже если встать на точку зрения Альтюссера и признать наличие «эпистемологического разрыва», то тогда оказывается вообще *невозможным объяснить, почему* Маркс в «Капитале» так много места уделяет дескриптивному анализу *отчужденных, скотских, бесчеловечных жизненных условий бытия рабочих*. Этому посвящена значительная часть I тома «Капитала».

Поэтому при чтении текстов Маркса следует обращать внимание не только на слова самого мыслителя, но и на то, *кого* и *что* он цитирует. Особенно это касается весьма обширного и многочисленного цитирования отчетов фабричных инспекторов при описании повседневной жизни рабочего класса. Думается, что Маркс неспроста делал эти выписки, — они ему были нужны, чтобы показать и моральное уродство капиталистического способа производства, и для экспликации механизмов влияния способа производства на образ жизни и повседневность конкретных живых индивидов. Иными словами, эти цитаты выполняют в текстах Маркса и научную, и этико-экзистенциальную функцию. Если мы обратимся к конкретному текстологическому анализу цитат, приводимых Марксом из самых разных источников (научных, литературных, статистических, газетных, — интересно, как бы выглядели тексты Маркса, живи он сейчас, в век Интернета), то мы увидим, что большей частью цитаты эти направлены на демонстрацию «возмутительного, бессердечного отношения промышленной буржуазии к рабочим», они показывают «всю подлую систему промышленной эксплуатации во всей ее бесчеловечности»⁵ и «сотне других гнусностей и мерзостей»⁶.

Философия практики: действенность versus материальность

Помимо того, что философия Маркса представляет собой одну из форм экзистенциальной философии, другим ее существенным определением является то, что она — *философия практики* (А. Грамши). В онтологическом и методологическом аспектах это означает, что, согласно Марксу, в основе человеческого бытия вообще лежит *праксис* — *единая материально-духовная сознательная целелогающая социальная предметная преобразующая деятельность людей*. И в этом плане не су-

ществует никаких «чисто материальных» и «чисто духовных» видов праксиса. *Любое социальное явление имманентно содержит в себе и материальную, и идеальную компоненты.* Другое дело, какая из этих сторон в данной конкретной ситуации оказывается наиболее *действенной (wirklich)*, вынуждающей индивидов изменять мир.

Что мы находим у самого Маркса? В «Немецкой идеологии» он пишет: «...общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса [Lebensprozeß] определенных индивидов — не таких, какими они могут казаться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они в *действительности [wirklich]* т.е. как они действуют [wirken], материально производят и, следовательно, как они действительно [tätig] проявляют себя в определенных материальных, не зависящих от их произвола границах, предпосылках и условиях»⁷.

Если мы посмотрим на различные истолкования этого фрагмента, то увидим, что основной упор исследователи делали на понятие *материальный*, упуская при этом радикально *динамический* смысл тезиса, ибо сам Маркс акцентуирует внимание именно на понятиях *действительность* (которое он специально выделяет курсивом), *действие*, *действенный*. Этот момент *действенности* является *важнейшим* в тезисе Маркса: то, *что* в рамках практического, действительного жизненного процесса оказывается наиболее *действенным*, то и *определяет (bedingt, bestimmt) действенность (Wirksamkeit)*.

Центральным понятием здесь выступает *действительность (Wirklichkeit)*, которая, согласно прямой этимологии слова, есть то, что *действует, производит действие одного на другое*. Поэтому *действительным (действенным, wirksam)* является то, что обладает способностью *действовать (wirken)*, то, что обладает *действенностью (Wirksamkeit)*, способностью *воздействия (Wirkung)*, которое обнаруживает себя в налично схватываемом *эффekte (Wirkung)*.

Этот момент *действенной действительности* влияния практического бытия на сознание у Маркса носит диалектический характер, ибо, с одной стороны, праксис определяет *действительность* или *недействительность* мышления (*Wirklichkeit oder Nichtwirklichkeit des Denkens*), а, с другой — само мышление обнаруживает свою «истинность, т.е. действительность и мощь (*Wirklichkeit und Macht*)» «в практике (Praxis)⁸. Таким образом, Маркс говорит об *имманентном единстве праксиса*, о том, что в его *динамической* структуре «бытие» и «сознание» составляют *тотальность*, даны в форме целостного жизненного телесно-психического акта: «Хотя мышление и бытие *отличны* друг от друга, — пишет он, — но в то же время они находятся в *единстве* друг с другом»⁹. Поэтому соотношение общественного бытия и общественного сознания в философии Маркса следует понимать именно в этом *динамическом, действенном* аспекте.

Деятельность, рассматриваемая как способ человеческого бытия-в-мире, представляет собой предметное единство материальной и духовной активности. В результате ее развертывания постепенно формируется *целостный социальный организм*, в котором слиты воедино материальная и духовная культура. Но вот то, *что* же именно в динамической структуре этого целостного социального организма оказывается *действенным* в смысле детерминации всего жизненного процесса в целом, зависит от конкретных исторических условий: изначально *материальное* тотально *действенно* детерминирует весь социальный универсум; затем, с развитием техники, технологии, организации, знаний и т.д., «идеальные» моменты праксиса начинают постепенно пробивать себе дорогу, и их доля в детерминации целостного человеческого бытия постоянно увеличивается, оттесняя природные границы; наконец, уже в формирующемся *информационном* обществе знания играют несравненно более существенную роль, чем прежде. В будущем же обществе наука (идеальное, духовное) станет базисной *действенной* движущей силой исторического развития. Думается, что акцент здесь надо делать именно на *действенные* моменты праксиса, а не на его *материальные* стороны. Но при этом производство и воспроизводство материальной жизни *всегда* останутся фундаментальными условиями целостного социального бытия.

Философия Маркса как форма философии жизни

Еще одна экзистенциальная акцентуация в интерпретации философии Маркса была выявлена французским философом М. Анри¹⁰, который считал, что основной вопрос философии Маркса: *что такое жизнь?* Вообще надо заметить, что терминология, семантически связанная с *жизнью*, играет у Маркса огромную роль. Ведь он всегда говорит, что исходит из *живых* индивидов, из их *жизненного* процесса, из их образа *жизни*; постоянно клеймит капитал как *мертвый* труд в противоположность труду *живому*, созидательному. И когда Маркс говорит о *Lebensprozeß*, то он всегда имеет в виду, что в ходе его развертывания конституируется «целостный организм» (*Gesamtkörper*¹¹), социальный универсум.

В этом смысле философию Маркса можно с полным правом называть *философией жизни*, однако с той оговоркой, что ее никоим образом нельзя отождествлять с иррационалистическими теориями А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, В. Дильтея и А. Бергсона, хотя, как известно, в истории марксизма подобные попытки делались.

В качестве философии жизни в учении Маркса выступает учение о *предметности*, согласно которому человек, *вкладывая свою душу в предмет* в момент осуществления трудового акта (*Äußerung*) распределяет душу другого в актах действия с предметом (*Aneignung*), одновременно с необходимостью как-то *относится* к предметному

миру, а значит эмоционально переживать свое отношение к нему, ибо предмет оказывается не чем иным, как внешним обнаружением человеческой души, его собственного внутреннего мира. Именно поэтому «предметное бытие», согласно Марксу, является «раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией»¹², и вне этого мира конкретных связей с предметами человека нет. Человек в данном случае понимается Марксом «как тотальность человеческого проявления жизни»¹³.

Экзистенциальные коннотации, теряющиеся при переводе

Философско-антропологическая составляющая философии Маркса обнаруживает себя не только в употреблении собственно экзистенциальной терминологии, но и в экзистенциальных коннотациях вполне обычных терминов, которые (коннотации) большей частью теряются в неаккуратном (а то и вовсе неверном) переводе некоторых понятий, используемых Марксом, когда исчезают очень важные семантические оттенки слов, без учета которых адекватно понять мысль Маркса не представляется возможным.

В.Ф. Шелике, работы которой инициировали наше разыскание, в своих статьях провела блестящий анализ таких категорий и понятий у Маркса, как *Verkehr* (общение), *erzeugen* (созидать/производить), *menschlich* (человеческий/человечный), *verändern* (изменять/изменить), и показала, что те переводы, которые имеются ныне в русском варианте, по сути дела, искажают («обесчеловечивают») мысль Маркса.

Приведем еще несколько примеров неверного перевода важнейших философских категорий, незатронутых В.Ф. Шелике, которые содержат жизненно-эмоциональные коннотации, но в русских переводах, большей частью носящих экономико-производственный оттенок, эти коннотации теряются и превращаются в сухие, безжизненные и бездушные технические термины.

Produktiv. Обычно философия Маркса понимается как некая «философия фабрики», «метафизика всеобщей трудовой повинности», в рамках которой действует категорический императив «кто не работает — тот не ест». Связано это, конечно же, с тем, что основные свои работы Маркс посвятил социально-экономическому анализу капитализма, и *производственный* фактор у него, безусловно, часто выдвигается на передний план, особенно в его учении о *производительных* силах и *производственных* отношениях в структуре способа *производства*. Но это относится к *политической* экономике. В русских же переводах этот *экономико-производственный* смысл был перенесен и в *философское* учение Маркса о человеке, в результате чего вышло, что родовой сущностью человека является не *целесолагающая преобразующая материально-духовная деятельность* (*die Praxis, die Praktik*,

die Tätigkeit), труд (*die Arbeit*), а — производственная жизнь! Вот что мы читаем в русском переводе «Парижских рукописей» Маркса: «**производственная** жизнь и есть родовая жизнь. Это есть жизнь, порождающая жизнь»¹⁴. Да, если *Маркс действительно говорил такое*, то его философская антропология — это *антигуманное учение*. В оригинале же читаем: «Das **produktive** Leben ist aber das Gattungsleben. Es ist das Leben erzeugende Leben». Обратите внимание: как здесь перевели словосочетание «*produktive* Leben» — «**производственная** жизнь». Действительно, этим переводом обезчеловечили мысль Маркса. Тут надо переводить как *продуктивная* (в смысле Э. Фромма), или на крайний случай как *производительная*, но никак не *производственная*! Если Маркс говорит о *производственном* аспекте деятельности, то он всегда употребляет слова, связанные с корнем *Produktion* (например, *производственная* активность — *Produktionsaktivität*, но никак не *Produktiveaktivität*).

Die Arbeit. То же самое относится и к понятию *die Arbeit*, которое на русский язык переводится и как *труд*, и как *работа*, и которым Маркс в разных контекстах обозначает *различные* социальные явления: в одном случае Маркс говорит о *труде вообще* как о родовой характеристике человека, т.е. употребляет *Arbeit* как синоним *Praxis*'а, (и тогда его следовало бы перевести как *труд*); в другом случае Маркс пишет об *Arbeit* как о чем-то *тяжелом, нудном, утомительном* и *обезчеловечивающем*, и тогда *Arbeit* следовало бы переводить словом *работа* с соответствующими негативными экзистенциальными коннотациями («работа — не волк...», что хорошо схватывается в английском слове *toil*).

Такое различие особенно важно для понимания того, что внутри родовой сущности (*die Praxis, die Praktik, die Tätigkeit, die Arbeit* — труд¹⁵) Маркс различает деятельность подлинную (*die Selbstbetätigung*) и деятельность неподлинную (*die entfremdete Arbeit*), что мы обнаруживаем в таких его высказываниях: «Производство человеческой деятельности как *трудо* [*menschlichen Tätigkeit als Arbeit*], т.е. деятельности совершенно чуждой себе, человеку и природе, и потому совершенно чуждой сознанию и жизненному проявлению [*Lebensäußerung*], абстрактное существование человека исключительно лишь как человека труда [*Arbeitsmenschen*], который поэтому ежедневно может скатиться из своего заполненного ничто в абсолютное ничто, в свое общественное и потому действительное небытие»¹⁶ (здесь ***die Arbeit*** следовало бы перевести как **работа**). И в другом месте: «Только на этой ступени самодеятельность [*Selbstbetätigung*] совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности. Точно так же соответствуют друг другу превращение *трудо* в самодеятельность [*die Verwandlung der Arbeit* in *Selbstbetätigung*] и превращение прежнего вынужденного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как таковые»¹⁷ (здесь ***die Arbeit*** также надо переводить как **работа**).

Именно *работа* (а не труд) в капиталистическом обществе характеризуется «однообразием, бессодержательностью и подчинением машине»¹⁸, это — «мертвящий труд»¹⁹, основная черта которого «состоит в пассивном подчинении рабочего движению самого механизма, в полном приспособлении рабочего к потребностям и требованиям этого механизма»²⁰. «Здесь отпадает последняя самоудовлетворенность рабочего своим трудом, здесь имеет место абсолютное безразличие, обусловленное самой бессодержательностью этого труда»²¹.

В свете этого различения надо также понимать известное место из «Немецкой идеологии», в котором К. Маркс и Ф. Энгельс говорят об *уничтожении труда* (*Aufhebung der Arbeit*). Полагаем, что проведенный анализ делает это место совершенно ясным: *здесь* под *die Arbeit* Маркс и Энгельс подразумевают не *деятельность вообще* (*Praxis, die Tätigkeit*) (таковая может исчезнуть только вместе с человеком), а только несвободную, вынужденную деятельность, существующую в капиталистическом обществе и приносящую страдания, т.е. *рабому. Aufhebung der Arbeit* это не *Aufhebung der Tätigkeit*.

Das ensemble. В «Тезисах о Фейербахе» Маркс говорит, что «Aber das menschliche Wesen... In seiner Wirklichkeit ist... das **ensemble** der gesellschaftlichen Verhältnisse». Он употребляет здесь французское слово *ensemble*, ансамбль (и даже пишет его не на немецкий манер с заглавной, а со строчной буквы, хотя и с артиклем среднего рода). В русском переводе это *ensemble* передано как *совокупность*: «Но сущность человека... в своей действительности... есть **совокупность** общественных отношений»²². Различие сразу же бросается в глаза: если у Маркса речь идет о *живой гармоничности* и *созвучности* (пусть даже и в смысле гераклитовской *ἀρμονία* как слаженности противоречий), то в русском варианте с «совокупностью» мы большей частью связываем коннотации *мертвости*, *конгломерата*, *равнодушного соединения*. Отсюда и восприятие русским читателем Маркса определения сущности человека как чего-то механического, как некоторой внутренне безразличной суммы общественных отношений, в то время как на самом деле у Маркса речь идет именно о *живой связи*, *живом общении* (*Verkehr*), о некоторой *сыгранности*: общественные отношения здесь, в 6-м тезисе, выступают как бы в качестве музыкантов слаженно сыгранного коллектива.

Учет биографических реалий

И, наконец, еще один важный в историко-философском плане аспект исследования экзистенциального характера философии Маркса связан с рассмотрением его печатных и рукописных работ в контексте его личных жизненных реалий. Известно, что свои основные труды Маркс писал, живя в униженной нищете, в условиях, когда ему не хватало даже средств на похороны собственного ребенка.

Как совершенно справедливо заметила М. Габриэл, «и все же, как ни невероятно — но именно в эти годы лишений, нищеты, болезней и горестей Маркс сделал невозможное. Он изменил мир»²³.

Так, относительно окончательной подготовки текста «Капитала» весной 1867 г. Маркс писал: «Потому, что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать *каждый* момент, когда я бывал работоспособен, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью... Но я считал бы себя поистине *непрактичным*, если бы подох, не закончив полностью своей книги, хотя бы только в рукописи»²⁴.

Выводы

Таким образом, проблема адекватного прочтения и перевода основных терминов Маркса является уже давным-давно назревшей. И ее решение должно привести к радикальной ревизии той философской терминологии Маркса, которая сложилась на сегодняшний день, как в отечественном, так и в зарубежном марксведении. Сегодняшними устоявшимися схемами и стереотипами искренне пользуются не только критики марксизма, но и сами марксисты, не отдавая себе отчета в том, что это — *не марксизм*. Необходимо осмыслить философию Маркса как одновременно научную и экзистенциальную теорию, понять имманентное единство двух сторон его мысли. Только учитывая контекст употребления Марксом различных понятий, можно адекватно понять его философию. Думается, что вся эта экзистенциальная терминология Маркса, помимо всего прочего, выражает глубинную гуманистическую сущность его философии. Поэтому настала пора нового прочтения философии Маркса и — что очень важно — новых переводов его основных работ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шелике В.Ф. Непознанный Маркс и некоторые проблемы современности // Философские науки. 2013. Ч. 1. № 3. С. 37 – 48; Ч. 2. № 4. С. 94 – 107; Ч. 3. № 5. С. 120 – 130. Автор выражает искреннюю благодарность В.Ф. Шелике (Москва) за ценные советы в истолковании немецкой терминологии Маркса и конструктивную критику некоторых положений настоящей работы.

² Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. – М.: Прогресс, 1991. С. 194.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 454.

⁴ См.: Кондрашов П.Н. Анализ экзистенциальной проблематики в философии Карла Маркса // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Екатеринбург: УрО РАН, 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 34 – 57.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 399.

⁶ Там же. С. 395.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3. С. 24.

⁸ Там же. С. 1.

- ⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 119.
- ¹⁰ Henry M. Marx: I. Une philosophie de la réalité; II. Une philosophie de l'économie. – Paris, Gallimard, 1976.
- ¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 421.
- ¹² Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М., 1956. С. 594.
- ¹³ Там же. С. 591.
- ¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 93.
- ¹⁵ «Процесс **труда**... в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческого потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее формам» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 195). В данном случае имеет место правильная передача смысла словом **труд**.
- ¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. С. 575.
- ¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 69.
- ¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. С. 511.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 504, 511.
- ²¹ Там же. С. 511, 512.
- ²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 3.
- ²³ Габриэл М. Карл Маркс. Любовь и капитал. Биография личной жизни. – М.: АСТ, 2014. С. 60.
- ²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 454.

REFERENCES

- Gabriel M. *Karl Marx. Love and Capital*. Moscow, AST, 2014. 828 p. (in Russian).
- Henry M. *Marx: I. Une philosophie de la réalité; II. Une philosophie de l'économie*. Paris, Gallimard, 1976. 479 et 486 pp.
- Kondrashov P.N. Analysis of existential problems in Karl Marx's philosophy. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN* [Research Yearbook of The Institute of Philosophy and Law The Ural Division of Russian Academy of Science]. 2015. Vol. 14. Issue 3, pp. 34-57 (in Russian).
- Lukács G. *Prolegomena towards the ontology of social being*. Moscow, Progress, 1991. 412 p. (in Russian).
- Marx K. and Engels F. *From the early writings*. Moscow, Politizdat, 1956, pp. 517-642 (in Russian).
- Marx K. and Engels F. *Works*. Moscow, Politizdat, 1955-1981. Vol. 1-50 (in Russian).
- Schälke W.F. Misunderstood Marx and Some Problems of Modernity. *Philosophiskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. 2013. Part 1. No 3, pp. 37-48; Part 2. No 4, pp. 94-107; Part 3. No 5, pp. 120-130 (in Russian).

Аннотация

В статье предпринята попытка выявить текстологические и семантические ситуации, в которых философская терминология К. Маркса приобретает *экзистенциальное* звучание, и поэтому требует новой интерпретации. Таковыми кон-

текстами при ближайшем рассмотрении являются: контекст экзистенциальных ценностей, в которых укоренено имманентное единство философии Маркса; истолкование философии Маркса как формы экзистенциальной философии; терминологическая переориентация у Маркса в конце 40-х гг.; экзистенциально насыщенная систематическая и случайная терминология; контекст многочисленного обширного цитирования; семантическая акцентуация на моменте *действенности* (*wirken, Wirksamkeit*), а не материальности; рассмотрение философии Маркса как формы философии жизни; контекст экзистенциальных коннотаций, теряющихся при переводе; учет биографического контекста.

Ключевые слова: философия К. Маркса, экзистенциальная философия, экзистенциальная терминология, человечность, бесчеловечность, действительность, страдание, общение, деятельность, прaxis, жизненный процесс, отчуждение, перевод.

Summary

The article attempts to identify textual and semantic situations in which the philosophical terminology of Marx is of existential meaning, and therefore requires a new interpretation. Such contexts upon closer inspection are: an existential values, in which the unity of the inherent philosophy of Marx is rooted; interpretation of Marx's philosophy as a form of existential philosophy; the terminological shift Marx at the end of the forties years; systematic and random intense existential terminology; context of numerous extensive citations; semantic accent on the aspect efficiency (*wirken, Wirksamkeit*), not materiality; review of Marx's philosophy as a form of philosophy of life; context of existential connotations, to lose in translation; accounting biographical context.

Keywords: K. Marx's philosophy, existential philosophy, existential terminology, humanity, inhumanity, effectiveness, suffering, communication, activity, praxis, a vital process, alienation, estrangement, translation.